

Д
Русский

БЕРЛИН

УДК008 (091)

ББК70

P88

*Составление, предисловие и персоналии
В.В. Сорокиной*

Русский Берлин / Составление, предисловие и персона-
P88 **лии В.В. Сорокиной. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. —**
368 с.: 64 ил.

ISBN 5-211-04077-5

Книга вводит читателя в круг важнейших тем культуры русской эмиграции в Берлине, знакомит с основными проблемами, волновавшими русских за рубежом. В ней представлены фрагменты воспоминаний (многие из них в нашей стране ранее не публиковались) о жизни в Берлине в первой половине 20-х гг. русских беженцев и советских подданных; свидетельства современников и биографов о русских издательствах, научной и педагогической деятельности, театральной жизни, деятельности русских писателей — А. Белого, А. Ремизова, Б. Пастернака, М. Цветаевой, А. Толстого, М. Горького, С. Есенина и других, газетные статьи, объявления, заметки, дающие представление об атмосфере, в которой находились русские в Берлине той поры.

Для изучающих культурное наследие русского зарубежья, а также для широкого круга читателей.

**УДК 008(091)
ББК 70**

ISBN 5-211-04077-5

© Сорокина В.В., составление,
предисловие, персоналии, 2003 г.

В. Шкловский

ЦОО, ИЛИ ПИСЬМА НЕ О ЛЮБВИ

<...> По Берлину ходит большой человек. Я знаком с ним, несколько раз даже обменивался с ним по ошибке кашне.

Когда он говорит, то совершенно неожиданно переходит от спокойного голоса к шаманскому воплю.

Такого шамана раз привезли в Москву, в Исторический музей. Имея за собой вековую шаманскую культуру, шаман не смутился. Взял бубен и шаманил перед профессорами, видел духов и упал в экстазе.

А потом уехали в Сибирь шаманить уже не при профессорах.

В человеке, о котором я говорю, экстаз живет, как на квартире, а не на даче. И в углу комнаты лежит в кожаный чемодан завязанный вихрь.

Фамилия его Андрей Белый.

В миру — Борис Николаевич Бугаев.

Профессорский сын.

Уэллс всегда описывает жизнь так, что видно, как вещи руководят человеком.

Вещи переродили человека, машина особенно.

Человек сейчас умеет только их заводить, а там они идут дальше сами. Идут, идут и давят человека.

С наукой дело обстоит совсем серьезно.

Необходимость разума и необходимость в природе разошлись.

Был верх и низ, было время, была материя.

Сейчас ничего нет. В мире царит метод.

Человек придумал метод.

Метод.

Метод ушел из дому и начал жить сам.

«Пища богов» найдена, но мы ее не едим.

Вещи и самые сложные из всех вещей — науки — ходят по земле.

Как заставить их работать на нас?

И нужно ли?

Будем лучше строить бесполезные и необозримые, но новые вещи.

В искусстве метод тоже ходит отдельно.

Человек, пишущий большую вещь, — как шофер на трехсотильной машине, которая как будто сама тащит его на стену. Про такие машины говорят шоферы: «Она тебя разнесет».

Много раз смотрел я на Андрея Белого — Бориса Бугаева — и думал, что он почти робкий, предупредительно согласный со всем человек.

Вокруг темного лица седыми кажутся полуседые волосы. Тело, очевидно, крепкое. Видишь, как рукава заполнены руками.

Глаза прорезаны с угловатостью.

Метод Андрея Белого — очень сильный, непонятный для него самого.

Начал писать Андрей Белый, я думаю, шутя.

Шуткой была «Симфония».

Слова были поставлены рядом со словами, но не по-обычному художник увидел их. Отпала шутка, возник метод.

Да, в Крыму, в Коктебеле. Жарился на солнце, настиг его солнечный удар.

И лишь в самое последнее время дошла до меня весть, что на пораженном «солнечными стрелами» нашли тот образок, который Вера повесила ему на грудь в Берлине.

Богоматерь как бы не покинула его — горестного, мятущегося, всю жизнь искавшего пристани.

(Зайцев Б. Далекое. М., 1991. С. 474—476)

А. Ремизов

Если для А. Белого двух лет жизни в Берлине оказалось достаточным, чтобы сделать свой выбор и в конечном счете обрести душевное спокойствие на Родине, то для А. Ремизова Берлин стал всего лишь остановкой в будущем пути на Запад длиною в целую жизнь. Он покидал Россию неохотно, под влиянием обстоятельств, оставляя на Родине дочь и еще не обретя своего настоящего читателя: «Как ехали из России, взяли мы с собой земли — так, в персточку в костяной коробочке — русская земля! Был я всем и стал ничем, как и всякий тут русский без России». С подобным настроением уезжало тогда за границу подавляющее большинство русских людей.

В книге «Взвихренная Русь», изданной в 1927 году в Париже, А. Ремизов подробно описывает вынужденный отъезд из России вместе с многочисленной группой интеллигенции, среди которой были и близкие друзья писателя: Л. Шестов, Н. Бердяев, Л. Франк, Степун, Б. Зайцев, М. Осоргин. За два года, прожитых в Берлине на Вильмерсдорфе, А. Ремизов опубликовал 23 книги, но тем не менее постоянно жаловался на то, что мало печатают.

Писатели, впоследствии разошедшиеся из-за противоположных политических взглядов или художественных установок, в 1921—1923 годы поддерживали дружеские отношения, постоянно встречались, ходили друг к другу в гости, делились новостями. В берлинский период А. Ремизов был очень дружен с А. Белым — также бывшим жителем Москвы и его дальним родственником. Для А. Ремизова А. Белый казался не просто поэтом и прозаиком, живописнейшей фигурой эпохи, но и «гениальным, единственным». А. Ремизов многое не принимал в творчестве А. Белого, но при всем этом А. Белый для него в Петрограде 1919—1921 годов и особенно в Берлине в 1922 году был наиболее завершенным выражением сложного, катастрофически двусмысленного времени духовного перелома, творцом языка и образа жизни, наиболее соответствующего трагическому духу «русского литературного большого гнезда» в те годы.

В Берлине, так же, как и в России, А. Ремизов не нашел своего подлинного читателя, но изданные там произведения обрели известность позднее. Берлин, где А. Ремизов оставался до 1923 года, сыграл в его творческой судьбе ту же роль, что и в судьбах многих русских писателей: объединяющего начала, благодаря которому сохранились и дошли до потомков образы уникальной русской культуры той сложной и противоречивой эпохи.

ЦОО, ИЛИ ПИСЬМА НЕ О ЛЮБВИ

Ты знаешь, у обезьяньего царя Асыки — Алексея Ремизова — опять неприятности: его выселяют из квартиры.

Не дают спокойно пожить человеку, как он хочет.

Зимой в 1919 году жил Ремизов в Петербурге, а водопровод в его доме взял да и лопнул.

Всякий человек растерялся бы. Но Ремизов собрал у всех знакомых бутылки, маленькие аптекарские, винные и всякие другие, какие попались. Построил он их ротой в комнате на ковре, потом брал по две и бежал по лестнице вниз за водой. При таком способе воду нужно носить для каждого дня неделю.

Очень неудобно, но — забавно!

Жизнь Ремизова — он сам ее построил, собственноручно, — очень неудобная, но забавная.

Росту он малого, волос имеет густой и одним большим вихром-ежиком. Стулится, а губы красные-красные. Нос курносый, и все — нарочно.

А паспорт весь исписан обезьяньими знаками. Еще до того, как лопнул водопровод, ушел Ремизов от людей — он уже заранее знал, что они за птицы, — и пошел к великому обезьяньему народу.

Обезьяний «орден» придуман Ремизовым по типу русского маонства. Был в нем Блок, сейчас Кузмин состоит музыкантом Великой и вольной обезьяньей палаты, а Гржебин — тот кум обезьяний и в этом «ордене» состоит в чине и звании зауряд-князя, это на голодное и военное время.

И я принят в этот обезьяний заговор, чин дал себе сам — «короткохвостый обезьяненок». Хвост я себе сбрил сам, перед тем как уйти в Красную Армию в Херсоне. Так как ты зауряд-иностранка и твои чемоданы не знают, что владелицу их вскормила сибирячка, румяная Стеша, то нужно сказать тебе еще и то, что обезьяний народ имеет настоящего царя. Заслуженного.

У Ремизова есть жена, очень русская, очень русая, крупная, Серафима Павловна Ремизова-Довгелло; она в Берлине, как негр какой-нибудь в Москве времен Алексея Михайловича, царя, такая она белая и русская.

Сам Ремизов тоже Алексей Михайлович. Говорил он мне раз:

— Не могу я больше начать роман: «Иван Иванович сидел за столом».

Так как я тебя уважаю, то вот тебе открытие тайны.

Как корова съедает траву, так съедаются литературные темы, вынашиваются и истираются приемы.

Писатель не может быть землепашцем: он кочевник и со своим стадом и женой переходит на новую траву. Наше обезьянье великое

войско живет, как киплингская кошка на крышах, — «сама по себе».

Вы ходите в платьях, и день идет у вас за днем; в убийстве и в любви вы традиционны. Обезьянье войско не ночует там, где обедало, и не пьет утреннего чая там, где спало. Оно всегда без квартиры.

Их дело — создание новых вещей. Ремизов сейчас хочет создать книгу без сюжета, без судьбы человека, положенной в основу композиции. Он пишет то книгу, составленную из кусков, — это «Россия в письменах», это книга из обрывков книг, то книгу, наращенную на письма Розанова.

В. Шкловский. «Зоо, или Письма не о любви». Берлин, 1923 г. (обложка)

Нельзя писать книгу по-старому. Это знает Белый, хорошо знал Розанов, знает Горький, когда не думает о синтезах, и знаю я, короткохвостый обезьяненок.

Мы ввели в нашу работу интимное, названное по имени и отчеству из-за той же необходимости нового материала в искусстве. Соломон Каплун в новом рассказе Ремизова, Мария Федоровна Андреева в плаче его над Блоком — необходимость литературной формы.

Обезьянье войско несет свою службу. Ходом коня наискось я пересек твою жизнь, как это было и есть — ты знаешь, но, Алик, ты попадешь в мою книгу, как Исаак на костре, сложенном Авраамом.

А знаешь ли, Алик, что лишнее «а» в имя Авраама Бог дал ему из великой Любви? Лишний звук показался хорошим подарком даже для Бога.

Знаешь ли ты это, Алик?

Впрочем, ты не будешь жертвой, это я обменной жертвой, барашком, впутался рогами в кустарник.

Комната Ремизова вся в куколках, в чертиках, а Ремизов сидит и шипит на всех «тише, — хозяйка» и поднимает палец. Он не боится хозяйки — он играет.

Тягостен вольным обезьянам путь по тротуарам, жизнь чужая. Женщины человеческие непонятны. Быт человеческий — страшный, тупой, косный, не гибкий.

Мы быт превращаем в анекдоты.

Строим между миром и собою маленькие собственные мирки-зверинцы.

Мы хотим свободы.

Ремизов живет в жизни методами искусства.

Кончаю писать, мне нужно бежать в кондитерскую за тортом. Сейчас ко мне придет кто-то, потом нужно нести торт, потом еще зайти к кому-то, потом искать денег, продавать книгу, разговаривать с молодыми писателями. Ничего, в обезьяньем хозяйстве все пригодится. Вавилонское столпотворение для нас понятней парламента, обиды нам есть где записывать, розы и морозы у нас ходят в паре, потому что — рифмы.

Я не отдам своего ремесла писателя, своей вольной дороги по крышам за европейский костюм, чищенные сапоги, высокую валюту, даже за Алю.

(Шкловский В. Жили-были. М., 1966. С. 187—189)